

В 2012 году Россия празднует 200-летний юбилей победы в
Отечественной войне

«ШАТОБРИАН МОСКОВСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ»

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГЛИНКА

ЭТО ПЕРВАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И НЕ МЕНЕЕ СТРАШНАЯ ДЛЯ СУДЕБ РОССИИ, НЕЖЕЛИ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. О СОБЫТИЯХ 1941—1945 ГОДОВ ПО ПОНЯТНЫМ ПРИЧИНАМ МЫ ВСПОМИНАЕМ ЧАЩЕ, НО 1812 ГОД ЗАСЛУЖИВАЕТ НЕ МЕНЬШЕЙ НАШЕЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ. С ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СРАВНЕНИЕ ЭТИХ ВОЙН НЕ ВПОЛНЕ КОРРЕКТНО, НО ИХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОБЪЕДИНЯЮТ ВАЖНЫЕ МОМЕНТЫ: В 1812 ГОДУ ИМПЕРАТОРСКАЯ, А В 1941 ГОДУ СОВЕТСКАЯ РОССИЯ СТОЛКНУЛИСЬ В ПРОТИВОБОРСТВЕ С ГОСУДАРСТВАМИ, ПО МЕРКАМ СВОИХ ЭПОХ ОБЛАДАВШИМИ МОЩНЕЙШИМИ АРМИЯМИ; В ОБОИХ СЛУЧАЯХ НАПАДАВШИЕ СТРАНЫ ОФИЦИАЛЬНО НАХОДИЛИСЬ В СОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ С РОССИЕЙ, СООТВЕТСТВЕННО ИХ АГРЕССИЯ ИМЕЛА ЭЛЕМЕНТ НЕОЖИДАННОСТИ; И В 1812, И В 1941 ГОДУ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ БЫЛО ТАКОВО, ЧТО ПОБЕДА НАД ВРАЖЕСКИМИ АРМИЯМИ КАЗАЛАСЬ НЕВОЗМОЖНОЙ. НО ОБА ЭТИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ПОКАЗАЛИ, ЧТО ВОЙНА — ЭТО НЕ СТОЛЬКО СОСТЯЗАНИЕ ВООРУЖЕНИЙ, СКОЛЬКО ДУХОВНОЕ ПРОТИВОБОРСТВО.

Сергей Николаевич Глинка (1175—1847), российский дворянин польско-литовского происхождения, блестяще образованный, один из тех, кто поддерживал в обществе «народный дух». К 1812 году стал широко известен как издатель консервативно-национального журнала «Русский вестник» (1808—1824). По собственным воспомина-

ниям Глинки, издание журнала было вызвано предчувствием неизбежности войны с Наполеоном и должно было готовить русское общество к предстоящей борьбе. Все материалы журнала имели патристическую направленность, Глинка воспевал русских и героическую русскую историю на фоне обличения Франции и французов, а также тех соотечественников, которые

уже стали пленниками французского языка, мод и образа жизни. Авторитет Глинки как патриота в обществе был так велик, что современники пугали его именем французских торговцев. В воспоминаниях Ф.Ф. Вигеля содержится рассказ о том, как две московские барыни, уже по окончании войны, увидев на одной из лавок вывеску на французском языке, застави-

Близкий знакомый Глинки, известный русский писатель С.Т. Аксаков утверждал, что патриотическое участие Глинки в московских событиях 1812 года гораздо замечательнее его многотомных сочинений.

ли владельца снять ее, припугнув тем, что донесут о безобразии С.Н. Глинке.

Близкий знакомый Глинки, известный русский писатель С.Т. Аксаков утверждал, что патриотическое участие Глинки в московских событиях 1812 года гораздо замечательнее его многотомных сочинений. В известной степени с этим высказыванием можно согласиться. Основываясь на собственных воспоминаниях Глинки, исследователи утверждали, что он первым записался в Московское ополчение. 11 июля, прочитав воззвание Александра I к первопрестольной столице, Глинка в пять часов утра бросился к московскому главнокомандующему графу Ф.В. Ростопчину и оставил ему следующую записку: «Хотя у меня нигде нет поместья, хотя у меня нет в Москве никакой недвижимой собственности и хотя я не уроженец московский, но где кого застала опасность Отечества, тот там и должен стать под хоругви отечественные. Обрекаю себя в ратники Московского ополчения и на алтарь Отечества возлагаю на триста рублей серебра». Так, всегда живший весьма скромно, а в иные времена и сильно нуждавшийся Глинка пожертвовал почти всем своим небольшим состоянием.

В тот же день, 11 июля жители столицы ожидали приезда госу-

Граф Федор Васильевич Ростопчин. Художник О. Кипренский, 1809

даря. Решив идти ему навстречу, в проводники они избрали именно С.Н. Глинку. Он встал впереди народа, крикнул: «Ура! Вперед!», и толпа двинулась за ним. Однако поворотным событием, предопределившим роль С.Н. Глинки в событиях 1812 года в Москве, стало его выступление 15 июля в Слободском дворце, где в присутствии императора проходило собрание купечества и дворянства. В речи, продолжавшейся более часа, Глинка, между прочим, заявил, что Москва будет сдана, так как «во-первых, от Немана до Москвы нет ни природной, ни искусственной обороны, достаточной к остановлению сильного

неприятеля. Во-вторых, из всех отечественных летописей наших явствует, что Москва привыкла страдать за Россию. В-третьих, и дай Бог, чтобы сбылись мои слова, сдача Москвы будет спасением России и Европы».

Столь откровенное выступление в тех обстоятельствах было опасно, так что жена Глинки уже слышала «звон сибирского колокольчика». Поэтому, когда 19 июля Глинка был вызван к Ф.В. Ростопчину, его семья приготовилась к худшему. Однако генерал-губернатор Москвы встретил его с распростертыми объятиями и с известием о том, что тот пожалован кавалером ордена Св. Вла-

димира четвертой степени. В высочайшем рескрипте от 18 июля было сказано: «Господин Майор Глинка! Любовь ваша к Отечеству, доказанная сочинениями и деяниями вашими, обратила на вас Наше внимание, во изъявление чего жалуем вас кавалером Ордена святого Равноапостольного князя Владимира 4 степени, коего знаки при сем к вам препровождаются. Пребываем вам благосклонны». Вручив рескрипт и орден, Ростопчин продолжал: «Священным именем Государя Императора развязываю вам язык на всё полезное для Отечества, а руки на триста тысяч рублей экстраординарной суммы». Полученная Глинкой награда была, пожалуй, высшей формой императорского благоволения, которое могло быть оказано частному лицу, независимому литератору, не состоящему на государственной службе.

Стоит заметить, что врученная Глинке сумма сполна осталась в казне. Кроме того, Глинка на собственные средства снарядил на службу в ополчение двадцать человек, заложив для этой цели драгоценности своей жены и продав часть своей богатой библиотеки.

«Обрекаю себя в ратники Московского ополчения и на алтарь Отечества возлагаю на триста рублей серебра».

Помимо награды, Ростопчин сообщил Глинке, что «государь возлагает на вас особенные поручения, по которым будете совещаться со мною». С этого момента С.Н. Глинка стал фактически правой рукой московского главнокомандующего. П.А. Вяземский писал, что Ростопчин «хорошо понял значение Глинки в подобных обстоятельствах... Глинка был рожден народным трибуном,

но трибуном законным, трибуном правительства. Он умел по-православному говорить с народом православным. Речами своими он успокаивал и ободрял народ. И то и другое по обстоятельствам было нужно». Именно к Глинке за помощью шли студенты Московского университета, не имевшие средств на необходимую для поступления в ополчение экипировку: «Ваш «Русский вестник», — говорили они, — воспламенил наш дух; помогите нам жертвовать собою Отечеству!»

Таким образом, в глазах общественности Глинка стал настоящим символом патриотизма, и, безусловно, Ф.В. Ростопчин, который особое значение в условиях войны придавал пропагандистской деятельности, был заинтересован в вовлечении в нее человека с репутацией яркого патриота. Скорее всего, именно московский генерал-губернатор явился инициатором награждения издателя «Русского вестника».

По словам самого Глинки, в качестве помощника графа Ро-

стопчина он выполнял «тайные и важные препоручения», неоднократно подвергая свою жизнь опасности. Об «особых поручениях», возложенных на него, Глинка неоднократно упоминает в «Записках о 1812 годе», но нигде даже не намекает на то, какого рода поручения это были. С полной уверенностью можно говорить лишь об активной устной пропаганде среди московского народа. С большой долей уверенности можно предположить,

«Глинка был рожден народным трибуном, но трибуном законным, трибуном правительства. Он умел по-православному говорить с народом православным. Речами своими он успокаивал и ободрял народ. И то и другое по обстоятельствам было нужно».

что в задачи Глинки с подачи Ростопчина входило убеждать народ в том, что обещания Наполеона дать крепостным людям свободу — не менее как гнусный обман и ложь. Это предположение подтверждается публицистикой «Русского вестника» периода Отечественной войны, в которой проблема сохранения спокойствия среди крестьян занимала важное место.

Думается, что важной задачей С.Н. Глинки в 1812 году была агитационная поддержка усилий Ростопчина по созданию народного ополчения. В воспоминаниях С.Т. Аксакова, хорошо знавшего издателя «Русского вестника», сказано, что тот изначально делал ставку на народный характер войны. Уже в 1809 году в материалах «Русского вестника» отчетливо зазвучала идея создания партизанских отрядов в случае военных действий, а в «Записках

1. Вид на Московский Кремль со стороны Каменного моста. Художник Ф.Я. Алексеев, начало XIX в.
2. Русская армия и жители оставляют Москву в 1812 году. Художники А.Семенов, А.Соколов, 1958
3. Пожар Москвы, 1812 г. Художник И.К. Айвазовский

внимание привлек к себе многочисленный кружок, составленный, большей частью, из купцов, мещан и крестьян. В середине толпы стоял мужчина, довольно высокий, плечистый; лицо его казалось вдохновенным, голос звучал знойно, энергически. За толпой, тесно окружившей его, я не мог слышать его речи, обращенной к народу, но до меня долетали по временам слова его, глубоко западавшие в грудь. Толпа, творя крестное знамение, повторяла с жаром его последние слова: «за батюшку царя и Русь православную, под покровом Царицы небесной!» — Я узнал, что это был Сергей Николаевич Глинка». Пропаганда сочеталась с распространением сочинявшихся им летучих листов, возможно, и воззваний Ростопчина к жителям столицы. Плоды этой работы проявились после вступления в Москву наполеоновских войск, когда отряды вооруженных мужиков не давали французам возможности добыть продовольствие в округе.

Когда в середине августа С.Н. Глинка с семьей уже готовился к отъезду из Москвы, он получил приказ графа Ростопчина оставаться в столице, «где нужна ваша служба». Глинка

1. Благословение ополченца 1812 г. Художник И.В. Лучанинов, 1812
2. Поджигатели, или Расстрел в Кремле. Художник В.В. Верещагин. 1897—1898

оставался в Москве вплоть до вступления в нее французов. После Бородинского сражения столица была наполнена ранеными, и он лично перевязывал им раны и ухаживал за умирающими. Его последняя встреча с московским главнокомандующим накануне оставления столицы состоялась 30 августа. В воспоминаниях Глинка утверждает, что уже тогда, то есть до совета в Филях, Ростопчин сказал ему о том, что Москва будет сдана без боя. Тогда же граф передал своему помощнику текст знаменитого воззвания «На Три Горы», призывавшего народ к партизанской войне против французов. Глинка должен был напечатать его в типографии С.А. Селивановского.

Зная затруднительное материальное положение Глинки, тратившего собственные средства на пропагандистскую деятельность, Ростопчин предлагал

ему сумму, необходимую для эвакуации его семьи, но Глинка отказался брать деньги. Он отправил свою семью из Москвы первого сентября. Приближение неприятеля к древней столице России свергло Глинку в совершенное отчаяние. Накануне вторжения французов в Москву он бил зеркала и рвал книги из своей богатой библиотеки. Его брат Ф.Н. Глинка в «Письмах русского офицера» под вторым сентября записал: «Вчера брат мой, Сергей Николаевич, выпроводил жену и своих детей. Сегодня жег и рвал он все французские книги из прекрасной своей библиотеки, в богатых переплетах, истребляя у себя все предметы роскоши и моды. Тому, кто семь лет пишет в пользу отечества против заразы французского воспитания, простительно доходить до такой степени огорчения в те минуты, когда злодеи уже приближаются к самому сердцу России». Интересный анекдот о Глинке, по своему отражающий степень его отчаяния в эти дни, сохранился в записях П.А. Вяземского: «Рассказывали, что в предсмертные дни Москвы до пришествия французов С.Н. Глинка, добродушный и добросовестный

отечестволюбец, разъезжал по улицам, стоя на дрожках, и кричал: «Бросьте французские вина и пейте народную сивуху! Она лучше поможет вам». Рассказ, может быть, и выдуманный, но не лишенный красок местности, современности и личности».

Глинка замешкался в Москве и едва не попал в плен. Он наблюдал, как полки Наполеона тремя колоннами входили в столицу, и видел, как в городе начался пожар. Этот момент очень эмоционально описан в его воспоминаниях: «Объятый тяжкою, гробовою скорбью, я ринулся на землю с лошади, и ручьи горячих слез мешались с прахом и пылью. Приподнимая меня, брат Федор Николаевич говорил: «Вы сами предсказали жребий Москвы, вы ожидали того, что теперь в глазах ваших». — «Я говорил о сдаче Москвы, — отвечал я, — я предвидел, что ее постигнет пожарный жребий. Но я мечтал, что из нее вывезут и вековую нашу святыню, и вековые наши памятники. А если это все истлеет в пламени, то к чему будет приютиться мысли и сердцу?». Из этого отрывка можно заключить, что Глинка предполагал возможность зажжения Москвы. Инте-

ресно, что некоторые современники, кто в шутку, кто всерьез, обвиняли Глинку в поджоге столицы. И по прошествии многих лет, в 1835 году один из московских литераторов, встретившись с Глинкой, заявил, что московский пожар — дело его рук, ссылаясь на то, что тот был ближайшим поверенным Ростопчина, на которого общество возлагало вину за поджог столицы. Глинка отметал подобные обвинения и усердно защищал Ф.В. Ростопчина от сомнительной славы поджигателя первопрестольной. Но на склоне лет, в одной из своих неопубликованных работ писал, что именно он подал мысль о зажжении Москвы, «а граф Ростопчин произвел ее в действие. Но я желал, чтобы вся заветная жизнь Москвы, то есть и святыня ее, и вековые памятники были из нее вынесены. И не думайте, что это мечта». В настоящее время факт организации московского пожара Ф.В. Ростопчиным является общепризнанным среди исследователей, но проверить истинность позднего признания Глинки в авторстве этой идеи не представляется возможным.

По оставлении Москвы Глинка принялся отыскивать свою семью. Шестого сентября он был в Коломне, но не нашел там своих родных. Оттуда он отправился в Нижний Новгород, где оставался до конца сентября. В Нижнем Новгороде тогда собрался круг литераторов, среди которых были

«Рассказывали, что в предсмертные дни Москвы до пришествия французов С.Н. Глинка, добродушный и добросовестный отечестволюбец, разъезжал по улицам, стоя на дрожках, и кричал: «Бросьте французские вина и пейте народную сивуху! Она лучше поможет вам». Рассказ, может быть, и выдуманный, но не лишенный красок местности, современности и личности».

Н.М. Карамзин, В.Л. Пушкин, Н.Н. Бантыш-Каменский, А.Ф. Малиновский, К.Н. Батюшков. Все они именно к Глинке обратились с предложением издавать ежедневные листки о действиях армии и народа, но тот отказался, так как переживания за свое семейство, о котором он не имел никаких сведений, не давали ему покоя.

Только первого октября С.Н. Глинка узнал, что его семья живет в городе Горбатове. Оставшиеся месяцы 1812 года он вместе с родными провел в Арзамасе. В Москву он вернулся первого января 1813 года и сразу же возобновил издание «Русского вестника», прославляя подвиги героев 1812 года.

Уже в 1830 году в одном из своих писем П.А. Вяземский заметил, что в 1812 году С.Н. Глинка был «Шатобрианом московского ополчения». Это образное сравнение с одним из видных европейских консерваторов, христианских мыслителей и гневных

критиков Наполеона выглядит более чем удачным. В период Отечественной войны энергичная издательская и пропагандистская деятельность С.Н. Глинки среди московского населения, опиравшаяся на православную риторику и способствовавшая возжиганию ненависти к Наполеону и его войскам, сильно способствовала предотвращению паники ввиду приближения неприятеля и созданию партизанских отрядов, серьезно беспокоивших французов в Москве и ее окрестностях, что стало одним из важных факторов победы над наполеоновской армией.

1. Москва, 8 октября 1812 г. Художник Х.В. Фабер дю Фор. 1830-е
2. У Калужской заставы, Москва, 19 октября 1812 г. Художник Х.В. Фабер дю Фор. 1830-е